

Ксенофеминизм: Политики отчуждения

Laboria Suboniks

НОЛЬ

- 0x00 Наш мир – головокружение. Это мир, кишущий технологическими проводниками, которые заряжают нашу повседневность абстракцией, виртуальностью и сложностью. КФ конструирует феминизм, адаптированный к таким реалиям: феминизм небывалого хитроумия, масштаба и видения; будущее, в котором воплощение гендерной справедливости и феминистической эмансипации способствует развитию универсалистских политик, смонтированных из потребностей каждого человека, производя срез сквозь расовые характеристики, способности, экономическое положение и географию. Больше никаких бесперспективных потуг на беговой дорожке капитализма; никакого подчинения волоките труда, продуктивного и репродуктивного; никакого овеществления данности под маской критики. Необходимо вывести наше будущее из оцепенения. КФ – не заявка на революцию, а ставка в продолжительной игре истории, которая требует воображения, сноровки и настойчивости.
- 0x01 КФ использует отчуждение в качестве стимула к генерированию новых миров. Мы все чужие – но бывало ли иначе? Именно благодаря, а не вопреки нашему состоянию отчуждения мы можем освободить себя от грязи сиюминутности. Свобода – не данность, и уж тем более она не предоставляется каким-либо “естественным” путём. Конструирование свободы предполагает не меньшую, а большую степень отчуждения; отчуждение – это труд над конструированием свободы. Ничто не должно приниматься как фиксированное, постоянное или “данное” – ни материальные условия, ни формы общества. КФ видоизменяет, направляет и зондирует все горизонты. Все, кого господствующие биологические нормы обрекли на “неестественность”, все, кто испытали несправедливость, совершённую во имя естественного порядка, приходят к осознанию, что прославление “природы” ничего не может предложить: ни тем из нас, кто определяется как квир и транс; ни тем, чьи способности отличаются; ни тем, кто подвергается дискриминации в связи с беременностью или потребностью растить

ребенка. КФ страстно анти-натуралистичен. Эссенциалистский натурализм воняет теологией – чем скорее он будет изгнан, тем лучше.

- 0x02 Почему так мало явных, организованных усилий прилагается к перенаправлению технологий на служение целям прогрессивной гендерной политики? КФ стремится стратегически использовать существующие технологии, чтобы перепроектировать мир. Эти инструменты содержат серьёзные встроенные риски; они легко поддаются разбалансировке, злоупотреблению, использованию для эксплуатации слабых. Вместо того, чтобы притворяться, будто риски отсутствуют, КФ отстаивает необходимость создания технополитических интерфейсов, способных на эти риски реагировать. Технология как таковая не прогрессивна. Ее использование пребывает в позитивной взаимосвязи с культурой, отнимая возможность линейной последовательности, прогнозов и полной осторожности. Научно-технические инновации должны быть привязаны к коллективной теоретической и политической мысли, в которой беспрецедентную роль играют женщины, квир и гендерно неконформные люди.
- 0x03 Настоящий эмансипаторный потенциал технологии остаётся неосуществлённым. Распухание перевешивает её подкармливаемый рынок стремительный рост, и элегантная инновация сдаётся потребителю, который украшает ею свой застойный мир. Выйдя за пределы шумного дребезжания коммодифицированного хлама, мы видим конечную цель в разработке технологий для борьбы с неравенством в доступе к репродуктивным и фармакологическим инструментам, с экологическими катаклизмами, экономической нестабильностью, а также опасными формами неоплачиваемого/ низкооплачиваемого труда. Гендерное неравенство всё ещё свойственно сферам, в которых технологии разрабатываются, конструируются и утверждаются законодательно, тогда как женщины, работающие в производстве электроники (это лишь один из примеров), занимаются чуть ли наиболее низкооплачиваемым, изнурительным и монотонным видом труда. Эта несправедливость требует структурной, машинной и идеологической коррекции.
- 0x04 Ксенофеминизм – это рационализм. Утверждать, что разум и рациональность – предприятие “по своей природе” патриархальное, означало бы признать поражение. Это правда, что в канонической “истории мысли” доминируют мужчины, и мы видим, как мужские руки подминают существующие научные и технологические институты. Но именно поэтому феминизм должен быть рационализмом – из-за этого печального дисбаланса, а не вопреки ему. Нет никакой “феминной” рациональности, как нет и “маскулинной”. Наука не выражает гендер, а подвешивает его. Современное доминирование в ней маскулинных эго свидетельствует о том, что она идет вразрез с собой, – и мы можем использовать это несоответствие в собственных целях. Как и информация, разум стремится быть свободными, и

патриархат не может предоставить этой свободы. Рационализм как таковой должен быть феминизмом. КФ отмечает точку, где эти утверждения пересекаются в обоюдной зависимости. Он называет разум двигателем феминистической эмансипации и провозглашает всеобщее право вести речь от лица никого в частности.

ПЕРЕБИВАТЬ

- 0x05 Избыток скромности в феминистических программах последних десятилетий не пропорционален монструозной сложности нашей реальности, которая переплетена волоконно-оптическими кабелями, радио- и микроволнами, нефте- и газопроводами, воздушными и судоходными путями, неослабевающим одновременным исполнением миллионов коммуникационных протоколов, совершающихся каждую миллисекунду. Системное мышление и структурный анализ оказались в большой степени на обочине, уступив место похвальной, но неэффективной борьбе, привязанной к фиксированным местностям и фрагментированным мятежам. Тогда как капитализм рассматривается в качестве комплексной и непрерывно расширяющейся тотальности, многие антикапиталистические проекты, претендующие на эмансипаторность, очень пугаются перехода к универсальности, оказывая сопротивление спекулятивным политикам “большой картины” и осуждая их как непременно репрессивные векторы. Такое ложное поручительство трактует универсальность как абсолют, генерируя ослабляющую несостыковку между тем, что мы стремимся свергнуть, и стратегиями, которые мы для этого свержения развиваем.
- 0x06 Сложносочинённость мира делает нас открытыми к насущным когнитивным и этическим запросам. Это прометеевская ответственность, которую невозможно оставить без внимания. Большинство феминизмов двадцать первого века – от пережитков постмодернистских политик идентичности до покосов современного экофеминизма – бьются над адекватной адресацией данных проблем, чтобы произвести устойчивые изменения на продолжительный срок. Ксенофеминизм берёт эти обязательства на себя в качестве агента, способного служить проводником между разными уровнями политической, материальной и концептуальной организации.
- 0x07 Мы кристально синтетичны и не удовлетворяемся одним анализом. КФ стремится вызвать конструктивное колебание между дескрипцией и прескрипцией, чтобы мобилизовать рекурсивный потенциал современных технологий вокруг вопросов гендера, сексуальности и диспропорции власти. С учетом того, что существует ряд гендерно-окрашенных проблем, имеющих непосредственное отношение к жизни в цифровой век – от сексуальных домогательств в социальных сетях до доксинга, проблем приватности и защиты изображений онлайн,

– необходим феминизм, который был бы на “ты” с компутацией. Сегодня для нас крайне важно развить идеологическую инфраструктуру, которая поддерживала и продвигала бы феминистические интервенции в соединительных, сетевых элементах современного мира. Ксенофеминизм – это нечто большее, чем цифровая самозащита и свобода от патриархальных сетей. Мы хотим культивировать воплощение позитивной свободы – скорее свободы совершать, чем свободы-от – и призываем феминисток вооружиться навыками, чтобы передислоцировать современные технологии и придумать новые когнитивные и материальные инструменты для достижения общих целей.

- 0x08 Радикальные возможности, предоставляемые развивающимися (и отчужденными) формами технологической медиации, не должны больше использоваться исключительно в интересах капитала, которому свойственно находиться на службе у меньшинства. Существует непрерывно увеличивающееся количество инструментов, которые должны быть аннексированы, и, хотя никто и не может замахнуться на общедоступность цифровых технологий, они ещё никогда не были так широко представлены и так чувствительны к присвоению, как сегодня. Мы не опускаем того факта, что экспансия технологического производства несёт негативные последствия для большинства малоимущих мира (от гнуснейших условий труда у фабричных рабочих до целых деревень Ганы, которые были превращены в свалки электронных отходов для мировых держав), но открыто признаём наличие этих условий и требуем их исключения. Ксенофеминизм осознаёт, что изобретение фондового рынка одновременно стало изобретением банкротства, и технологические инновации обязаны ответственно предвосхищать свои системные заболевания.

ЛОВУШКА

- 0x09 КФ отвергает иллюзию и меланхолию как ингибиторы политических процессов. Иллюзия, слепое предположение, что слабые могут преобладать над сильными без стратегической координации, ведёт к невыполненным обещаниям и беспорядочным стремлениям. Подобная политика, желая многого сразу, создаёт в конечном итоге очень мало. Заявление о желании глобальных перемен, не подкрепленное работой масштабной коллективной социальной организации, – не более чем принятие желаемого за действительное. С другой стороны, меланхолия (столь присущая левым) учит определять эмансипацию как вымерший вид, над которым нужно проливать слезы, а всплески негации – как лучшее, на что нам остаётся надеяться. При слабых проявлениях такого отношения возникает только политическая апатия, а при сильных – атмосфера всепроникающего отчаяния, которое зачастую дегенерирует к фракционности и мелочному

морализаторству. Болезнь меланхолией только увеличивает политическую инерцию и – прикрываясь здравомыслием – лишает всякой надежды на иное калибрование мира. Как раз от таких болезней производит прививку КФ.

0x0A Мы считаем неэффективными политики, которые придают исключительную ценность локальному под видом подрыва абстрактных глобальных течений. Машинерия капитализма не исчезнет, если от неё уклоняться или её отрицать. Подобным образом, предложения нажать на рычаг аварийного тормоза, призывы замедлить ход и сократить движение – это возможность, доступная лишь немногим, жесткая партикулярность исключительности, которая повлечёт катастрофу для всех остальных. Отказываться мыслить за рамками микросообщества, выхаживать связи между разрозненными мятежами, размышлять о масштабировании эмансипаторных тактик для их воплощения на глобальном уровне – значит удовлетворяться оборонительными и временными жестами. КФ – это утвердительно-офензивное творение, яростно отстаивающее возможность крупномасштабных социальных изменений для всего нашего рода чужих.

0x0B Кажется, из современных квир- и феминистических политик испарилось ощущение изменчивости и искусственности мира: его сменило плюралистическое, но статичное созвездие гендерных идентичностей, в чьём бледном свете упорно восстанавливаются уравнения блага и естественности. Мы (пожалуй) восхитительно расширили пороги “выносливости”, но нам слишком часто предлагают искать утешения в несвободе, аргументируя это тем, что такими мы “родились”, – будто принося свои извинения с благословения природы. Всё это время гетеронормативный центр продолжает пыть. КФ бросает вызов центробежному референту, прекрасно понимая, что пол и гендер – это примеры оси между нормой и фактом, между свободой и принуждением. Крен оси в направлении природы – это в лучшем случае оборонительная уступка, а также побег от того, что делает транс- и квир-политики не просто предметом лобби, а трудоемким утверждением свободы в противовес порядку, который казался незыблемым. Стабильный фундамент для реального мира хаоса, насилия и сомнений фабулируется, как и любой миф о данности. “Данность” поглощается сферой частного в качестве бесспорного факта, при этом сдавая фронт публичных последствий. Когда возможность изменений стала известной и реальной, под святилищем Природы треснул склеп, и новые, изобилующие вариациями будущего истории вырвались из старого порядка “пола”. Дисциплинарная решётка гендера в немалой степени является попыткой починить этот фундамент, укротить оторвавшиеся от него жизни. Сейчас пришло время полностью снести это святилище, а не склоняться перед ним, жалобно извиняясь за отвоёванные крохи автономии.

0x0C Если когда-то “киберпространство” обещало побег от узости эссенциалистских категорий идентичности, то климат современных социальных сетей изменился в противоположную сторону, и они превратились в театр для отбивания поклонов идентичности. С такими кураторскими практиками приходят и пуританские ритуалы морального обслуживания, и эти подмости слишком часто заволакиваются удовольствием от обвинения, срамления и осуждения. Ценные площадки, служащие для связи, организации, обмена навыками, засоряются помехами продуктивным дебатам, которые преподносятся как сами дебаты. Нас оставляют холодными эти пуританские политики срамления, фетишизирующие угнетение как благодеяние и мутящие воду своим моралистическим неистовством. Мы не желаем ни чистых рук, ни прекрасных душ, ни добродетели, ни террора. Мы желаем высших форм испорченности.

0x0D Из этого следует, что в рамках задачи по проектированию платформ для социальной эмансипации и организации нельзя игнорировать культурные и семиотические мутации, которые данные платформы могут позволить. Перепроектирование требуется как раз в случае меметических паразитов, которые могут возникать и координировать особенности поведения, проникая внутрь самовосприятия своего носителя; потерпев неудачу в этом деле, такие мемы, как “анонимность”, “этика”, “социальная справедливость” и “наличие привелегий” запускают социальные динамизмы, которые расходятся с их же намерениями, зачастую похвальными. Задача по развитию коллективного самообладания требует использования гиперстиции [hyperstition] для манипулирования нитями желания, а также дислокации семиотических операторов над территорией сетевых культурных систем высокого уровня. Воля всегда будет коррумпирована мемами, с которыми она соотносится, но ничто не мешает нам инструментализировать этот факт и калибровать его в зависимости от желаемых результатов.

ПАРИТЕТ

0x0E Ксенофеминизм – это гендерный аболиционизм. В определении “гендерный аболиционизм” не заложено искоренение тех признаков человеческой популяции, которые сейчас называются “гендерными”. В условиях патриархата подобный проект исключительно провален: понятие “гендерного” непропорционально клеится к феминному. Но даже если бы этот баланс был восстановлен, нас вовсе не интересует сокращение сексуального разнообразия в мире. Пусть расцветёт сотня полов! “Гендерный аболиционизм” – это стенограмма амбиции построить такое общество, в котором признаки, категоризируемые сегодня как гендерные, не будут больше оформлять решётку асимметричных операций власти. “Расовый аболиционизм”

раскрывается в такой же формуле: борьба должна вестись до тех пор, пока характеристики, определяемые сегодня как расовые, не прекратят быть более существенным основанием для дискриминации, чем цвет глаз. В конечном счете, любой эмансипаторный аболиционизм обязан клониться к горизонту аболиционизма классового, ведь капитализм сталкивает нас с угнетением в его прозрачной, денатурализованной форме: вас эксплуатируют и угнетают не за то, что вы наёмный работник или малоимущий – вы являетесь наёмным работником или малоимущим именно потому, что вас эксплуатируют.

0x0F Ксенофеминизм понимает, что жизнеспособность эмансипаторных аболиционистских проектов (упразднения класса, гендера и расы) зависит от глубокой переработки универсального. Универсальное необходимо рассматривать как понятие родовое, иначе говоря, находящееся в точке пересечения, межсекторное. Межсекторность – это не морцелляция коллективов для создания статичной пены ссылающихся друг на друга идентичностей, а политическая ориентация, которая проходит сквозь каждую частность, отказываясь от тупого развешивания ярлыков на тела. Это не то универсальное, которое может быть спущено сверху, а то, которое выстраивается снизу вверх – или, ещё лучше, в горизонтальном направлении, – прокладывая новые линии транзита сквозь неровный ландшафт. Такая неабсолютная, родовая универсальность должна беречь нас от поверхностной тенденции к смешиванию раздутых безымянных частностей – а именно, от европейского универсализма, посредством которого мужское принимают за бесполое, белое за безрасовое, цис- за действительное и так далее. Без такой универсальности упразднение класса останется буржуазной фантазией, упразднение расы – белым супремасизмом, а упразднение гендера – тонко прикрытой мизогинией, даже – и в особенности – когда об это заявляют рьяные феминистки. (Абсурдное и безрассудное зрелище того, как столь многие самопровозглашённые “гендерные аболиционисты” ратуют против транс-женщин, – достаточное тому доказательство).

0x10 Постмодернисты научили нас жечь фасады лживой универсальности и развеивать подобного рода заблуждения; модернисты показывали нам, как отсеивать от пепла фальши новые универсальности. Ксенофеминизм стремится выстраивать коалиционистские политики – политики, не зараженные чистотой. Владение универсальностью требует содержательной квалификации и точной саморефлексии, что позволит нам превратиться в готовое орудие для множества политических тел и тем, для борьбы с многочисленными видами притеснений, проходящих сквозь гендер и сексуальность. Универсальность – не калька, и вместо того, чтобы заранее диктовать ее использование, мы предлагаем ксенофеминизм в качестве платформы. Сам процесс её конструирования, таким образом, следует понимать как негэнтропийное, итеративное, непрерывное

перемоделирование. Ксенофеминизм стремится быть архитектурой, которая подлежит трансформации, и, по примеру открытого программного обеспечения, оставляет возможность для бесконечной настройки и совершенствования вслед за навигационным импульсом активной этической аргументации. Открытость, впрочем, не подразумевает отсутствия направления. Наиболее прочные в мире системы своей стабильностью обязаны порядку, вышколенному таким образом, чтобы в качестве “невидимой руки” возникать из кажущейся спонтанности, – или тому, как они используют инерцию инвестиций и седиментаций. Нам стоит без колебаний учиться у противников, на успехах и провалах истории. Помня об этом, КФ разыскивает пути, чтобы посеять порядок равноправия и справедливости, вводя его в ту геометрию свобод, которую данные платформы позволяют.

НАСТРАИВАТЬ

- 0x11 Наш род отлит из технонауки, для которой ничто не свято настолько, чтобы его нельзя было перестраивать и трансформировать с целью расширения апертуры свободы гендерной и человеческой. Утверждать, что нет ничего святого, трансцендентного или скрытого от воли к познанию, защищенного от взламывания и переписки, равно утверждать, что нет ничего сверхприродного. Под словом “природа” мы понимаем неограниченное поле науки: это всё, что есть. Таким образом, отвергнув иллюзию и меланхолию, неприязнительность и немасштабируемость, либидинизированное пуританство определенных онлайн культур, а также Природу как неизменную данность, мы обнаруживаем, что наш нормативный антинатурализм привел нас к непоколебимому онтологическому натурализму. Нет ничего, что нельзя было бы познать научным путём или подвергнуть технологическому воздействию.
- 0x12 Это не значит, что существуют готовые различия между онтологическим и нормативным, между фактом и ценностью. Векторы нормативного антинатурализма и натурализма онтологического пересекают большое количество противоречивых полей боя. Проект по распутыванию должного от сущего, по диссоциации свободы и факта, воли и знания, является, на самом деле, бесконечной задачей. Есть множество лакун, в которых желание сталкивает нас с жестокостью факта, а красота неотделима от истины. Поэзия, секс, технология и боль накалены от обнаруженного напряжения. Но стоит нам забросить задачу ревизии, отпустить поводья и ослабить напряжение, как эти нити мгновенно тускнеют.

НЕСТИ

- Øx13 В двадцать первом веке заметно ослабел потенциал ранней, основанной на тексте интернет-культуры, которая наносила удар по репрессивным гендерным режимам, генерируя солидарность между маргинализированными группами и создавая новые пространства для эксперимента, от чего и зажегся киберфеминизм в девяностых. Сегодня доминирование визуального в онлайн интерфейсах восстановило уже знакомые формы политик идентичности, отношений власти и гендерных норм в саморепрезентации. Но это не значит, что киберфеминистические формы восприятия принадлежат прошлому. Чтобы отсортировать субверсивные возможности, латентно наличествующие в современной сети, от репрессивных, нам нужен феминизм, чувствительный к коварному возвращению старых структур власти, и при этом достаточно смекалистый, чтобы знать, как этот потенциал использовать. Цифровые технологии теперь неотделимы от материальной действительности, которая их прописывает; они связаны таким образом, что одно может быть использовано для изменения другого в различных целях. Вместо того, чтобы спорить о примате виртуального над материальным или наоборот, ксенофеминизм различает точки силы и бессилия в обоих, чтобы распространить это знание в форме эффективных интервенций в нашу совмещённую реальность.
- Øx14 Интервенция в явно материальные зоны гегемонии важна так же, как и в цифровые и культурные. Изменение сконструированной среды содержит наиболее значительные возможности для реконфигурации горизонта женского и квир. Являясь воплощением идеологических констелляций, производство пространства и решения, которые мы принимаем для его организации – это, в конечном счёте, артикуляция “нас” и, соответственно, того, как “мы” можем быть артикулированы. Имея возможность исключать, ограничивать или открывать будущие общественные условия, ксенофеминизм должен стать созвучным языку архитектуры как словарю коллективной хореографии – скоординированного письма пространства.
- Øx15 Мы приходим с улицы в жильё, и домашнее пространство также не может укрыться от наших щупалец. Домашнее пространство укоренено столь глубоко, что считалось неподдающимся переустановке, словно произошло слияние дома в качестве нормы и дома в качестве факта, неизменной данности. На наших горизонтах нет места отупляющему “домашнему реализму”. Давайте замахнемся на расширенное жильё в виде совмещённых лабораторий, коммунальных медиа и технического оборудования. Дом созрел для пространственной трансформации как неотъемлемый компонент любого процесса феминистической будущности. Она не может ограничиться воротами сада. Мы слишком хорошо понимаем, что переизобретение структуры семьи и домашней жизни сегодня

возможно исключительно ценой либо выхода из сферы экономики (это путь коммуны), либо несения своего бремени в увеличенном объеме (это путь одинокого родителя). Если мы хотим сбить ту инерцию, которая хранит на месте агонизирующую фигуру нуклеарной семьи, настойчиво исключаящую женщину из публичной сферы, а мужчину – из жизни его детей, и при этом карающую уклонившихся, мы обязаны тщательно пересмотреть материальную инфраструктуру и разбить экономические циклы, которые замыкают её на месте. Наша задача имеет два измерения, и наше зрение непременно стереоскопично: мы должны разрабатывать экономику, которая освобождает репродуктивный труд и семейную жизнь, при этом выстраивая модели близких отношений, освобождённые от умертвляющего однообразия наёмного труда.

- 0x16 От жилья мы приходим к телу, артикуляции проактивных политик биотехнической интервенции и пресса гормонов. Гормоны взламывают гендерные системы, владея куда большим политическим охватом, чем эстетическое калибрование индивидуальных тел. Первостепенную важность имеет структурный взгляд на дистрибуцию гормонов: то, кого и что она приоритизирует или паталогизирует. Подъем интернета и гидра черного рынка медицинских препаратов, которую он спустил с тормозов, как и общедоступный архив эндокринологических ноу-хау, стали инструментами в борьбе с институциями-“вратарями”, контролирующими гормональные экономики и защищающими установленные распределения сексуального порядка. Смена бюрократии на рынок – это, впрочем, ещё не победа. Прилив должен подниматься выше. Мы вопрошаем, имеет ли идиома “взлома гендера” перспективу долгосрочной стратегии – стратегии для “ветвера” [“we-tware”] сродни той, которую хакерская культура уже создала для софтвера, и которая заключается в построении целой вселенной бесплатных и открытых ресурсных платформ, что для многих из нас является наиболее близким примером практического коммунизма. Избегая безрассудных угроз жизни, можем ли мы объединить зачаточные обещания, – данные нам фармацевтической 3D-печатью [“reactionware”], низовой сетью телемедицинских клиник для абортов, гендерным хакерским активизмом, самоорганизованными форумами о заместительной гормональной терапии и так далее, – чтобы организовать платформу для бесплатной и прозрачной медицины?

- 0x17 От глобального к локальному, от облака к телу, ксенофеминизм открыто берет на себя ответственность конструировать новые институции в гегемонических техноматериалистических пропорциях. Как инженеры, зачинающие одновременно и общую структуру, и её молекулярные компоненты, КФ придаёт особое значение мезополитической сфере (в противовес локальным жестам ограниченной эффективности), автономным зонам и абсолютной горизонтальности, а также противостоит трансцендентному или вертикальному навязыванию ценностей и норм. Мезополитическая арена универсалистских амбиций ксенофеминизма мыслит себя как

сложносочинённая мобильная сеть транзитов между данными полями. Как прагматики мы приветствуем контаминацию в качестве двигателя мутации между этими рубежами.

ПЕРЕПОЛНЯТЬСЯ

- 0x18 КФ утверждает, что адаптация нашего поведения к этой прометеевской сложности эпохе – труд, требующий терпения, но терпения свирепого, идущего в разрез с “ожиданием”. Калибровка политической гегемонии или повстанческого мемплекса не только предполагает создание материальных инфраструктур для воплощения артикулируемых ценностей, но и ставит требования перед нами как субъектами. Как нам стать хозяевами этого нового мира? Как сконструировать лучшую версию семиотического паразита – который пробуждал бы те желания, которые мы хотим испытывать, который дирижировал бы не автобиографическую оргию унижения или гнева, а эмансипированное и эгалитарное сообщество, держащееся на новых формах неэгоистичной солидарности и коллективного самообладания?
- 0x19 Является ли ксенофеминизм программой? Нет, если это подразумевает что-либо столь незрелое как рецепт или одноцелевое орудие для решения определенной проблемы. Мы предпочитаем мыслить по примеру комбинаторов или программистов-лисперов, стремящихся построить новый язык, который поглощает имеющуюся задачу, и, таким образом, может с легкостью раскрыть решения для неё и для любого количества задач смежных. Ксенофеминизм является платформой, зачаточной амбицией сконструировать новый язык сексуальных политик – язык, который захватывает собственные методы в качестве материала для переработки, постепенно загружая себя в действительность. Мы понимаем, что стоящие перед нами проблемы системны и взаимосвязаны, и что какие-либо шансы на глобальный успех зависят от заражения мириад навыков и контекстов логикой КФ. Наша трансформация – это просачивание, направленная категоризация, стремление погрузить капиталистический патриархат белого супремасизма в море процедур, размягчающих его панцирь и демонтирующих его защитные укрепления, чтобы из клочков построить новый мир.
- 0x1A Триумфальным “X” на мобильной карте ксенофеминизм индексирует желание построить чужеродное будущее. “X” не отмечает направление. Он вводит топологический ключевой кадр для формирования новой логики. Заявляя о будущем, отключенном от повторений настоящего, мы сражаемся за амплиативные мощности, за пространства свободы с геометрией богаче коридора, конвеера или устройства подачи. Нам нужны новые, незашоренные натурализованными идентичностями возможности восприятия и действия. В интересах феминизма “Природа” не должна больше

служить пристанищем несправедливости или базисом для каких-либо политических обоснований!

Если природа несправедлива, изменим природу!

Леся Прокопенко, работница искусства, Киев, Украина
Translation: Lesya Prokopenko, art worker from Kiev, Ukraine